

своего дѣла, но и благодаря его собственной натурѣ, благодаря разнообразію свойствъ его личности. Правда, онъ беспощаденъ въ критикѣ и въ нападеніи, онъ обладаетъ силой ненависти противъ того, что считаетъ пошлымъ или низкимъ, и даже передъ насиліемъ онъ не отступаетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ. Но слишкомъ высоко лежатъ его идеалы надъ будничной дѣйствительностью, слишкомъ чиста и благородна его внутренняя жизнь для того, чтобы онъ сумѣлъ побѣдить реальныя силы жизни и подчинить ихъ своей волѣ; когда онъ пытается въ своихъ поступкахъ спуститься къ нимъ, его сила разбивается о нихъ. Онъ весь, до мозга костей—политическій мыслитель, но не государственный человѣкъ; онъ исполненъ тоски по широкой творческой дѣятельности, но онъ не человекъ дѣла.

Этотъ разладъ между его натурой и его жизнью никогда не прекратился вполне, хотя онъ нашелъ самый счастливый выходъ изъ него. На свѣтлыхъ высотахъ мысли явились ему тѣ идеалы, которыхъ онъ не могъ осуществить политической дѣятельностью; ему оставалось только тихимъ трудомъ возвращать въ своихъ товарищахъ и ученикахъ то познаніе и тотъ складъ мыслей, изъ которыхъ, какъ онъ предчувствовалъ, могла нѣкогда возникнуть лучшая жизнь человѣчества. И въ этой-то работѣ познания и въ художественной обработкѣ ея результатовъ страстность пророка очистилась и перешла въ ясное спокойствіе мыслителя; она оставалась въ немъ, какъ глубочайшій жизненный стимулъ, и все снова прорывалась съ вулканической силой; но именно въ этомъ соединеніи могучей потребности дѣйствовать и вліять со сдерживающей силой научнаго и художественнаго духа заключалась прелесть платоновой личности. Поэтому вся она цѣликомъ сказывается въ своеобразности его духовной дѣятельности: его дѣло—въ его ученіи.

II. Учитель.

Для историка Платонъ прежде всего является великимъ писателемъ,—и является имъ въ такой мѣрѣ, что въ этой области вдохновеннаго творчества невольно начинаешь видѣть главную сторону его дѣятельности; но онъ самъ говорить (особенно ясно въ «Федрѣ»), что письменную рѣчь хотѣлъ сдѣлать лишь художественнымъ отзвукомъ устной, истинное же свое призваніе видѣлъ въ живомъ воздѣйствіи путемъ устнаго преподаванія.

Почти нельзя сомнѣваться, что это воззрѣніе философа находится въ связи съ тѣмъ, чему онъ научился у Сократа. За время долготѣней дружбы съ нимъ Платонъ на самомъ себѣ испыталъ благотворное вліяніе непосредственнаго духовнаго общенія, и въ глазахъ созрѣвшаго ученика высшая задача должна была заключаться въ томъ, чтобы то же давать своимъ товарищамъ и послѣдователямъ. Въдѣ здѣсь дѣло было не только въ передачѣ и усвоеніи взглядовъ и теоретическихъ воззрѣній, но и въ томъ, чтобы вызвать и укрѣпить извѣстныя убѣжденія и направленія воли.

Въ то же время этотъ своеобразный видъ общенія имѣлъ и болѣе глубокое основаніе; оно заключалось въ сознаніи того высшаго единства разума, которое должно царить надъ случайными различіями индивидуальныхъ мнѣній,—въ томъ истинно философскомъ влеченіи, которое мимо всѣхъ личныхъ мнѣній и интересовъ должно приводить къ вѣчному

и неизмѣнному. То, что у Сократа непосредственно вытекало изъ его гениальной натуры, у Платона было сознательнымъ принципомъ, сообразно съ которымъ онъ устроилъ свою жизнь; онъ сочеталъ этотъ принципъ съ послѣдними выводами своего міросозерцанія, на немъ же основаннаго, и такимъ образомъ поднималъ свою собственную дѣятельность на метафизическую высоту.

Въ произведеніяхъ Платона ничто, быть можетъ, не выдержано такъ подлинно и чисто въ сократовскомъ духѣ, какъ описаніе того священнаго соединенія разрозненныхъ человѣческихъ душъ, которое онъ находить въ стремленіи познавать. Это благороднѣйшее свое вѣрованіе онъ изложилъ въ «Фѣдрѣ» и въ «Пирѣ». Союзы между мужчинами, обычные у грековъ, здѣсь являются въ возвышеннѣйшей, совершеннѣйшей формѣ. Изъ дружбы товарищей, стремящихся къ одной и той же цѣли, изъ жизненнаго союза однородныхъ характеровъ исчезаетъ, какъ указываетъ уже ранній діалогъ «Лисій», все утилитарное, связанное съ практическими интересами; *φιλία* (дружба) становится взаимной нравственной и умственной поддержкой. Тѣ своеобразныя отношенія между зрѣлымъ мужчиной и юношей, которыя были въ такомъ ходу у грековъ, у Платона, какъ и у Сократа, освобождаются отъ всего пошлаго и чувственнаго, и здѣсь также остается одна лишь духовная сторона, заключающаяся въ томъ, чтобы давать и брать, побуждать и развивать. Посредствомъ общности мыслей и желаній приводить другъ друга къ истинѣ — вотъ въ чемъ заключается для Платона сущность всякой дружбы и любви, которыя должны соединять людей между собою. Изъ этой связи смертнаго возникаетъ въ вѣчно новой жизни бессмертное.

Въ этомъ заключается смыслъ «платонической любви», ученія объ *ἔρως*’ѣ, въ которомъ высказались сокровеннѣйшія стремленія философа. Какъ связалъ онъ это ученіе со своими общими метафи-

зическими теоріями, — это можетъ быть изложено лишь ниже; пока же мы находимъ въ этой доктринѣ тотъ жизненный принципъ, который заставилъ Платона искать высшую цѣль и высшее содержаніе своей дѣятельности въ совмѣстной научной работѣ со своими товарищами и учениками.

Если этотъ возвышенный духъ совмѣстной жизни на почвѣ науки и у Платона проявился вначалѣ въ сократовской формѣ свободнаго общенія, то послѣ перваго путешествія въ Сицилію творческія стремленія философа, понявшаго, что онъ осужденъ на бездѣятельность въ политикѣ, обратились, по видимому, на прочное созиданіе своей школы и на планомѣрное руководство ея. Тогда онъ внѣшнимъ образомъ организовалъ ее въ рошѣ Академа, отъ которой ей суждено было получить свое имя, и придать ей внутреннюю связь систематической учебной организаціи; она сдѣлалась юридически замкнутымъ обществомъ и религіознымъ союзомъ (*θιασος*), основной чертой котораго, по нѣкоторымъ признакамъ, былъ культъ Аполлона. Тогда же написалъ онъ, вѣроятно, своего «Фѣдра», служившаго какъ бы программой и изображавшаго новую школу, въ противоположность ораторскимъ, какъ убѣжище научнаго труда, какъ разсадникъ религіознаго образа мыслей и нравственно-политическаго воспитанія.

О подробномъ устройствѣ Академіи, данномъ ей Платономъ, мы имѣемъ поразительно мало свѣдѣній. Покупку гимназіума и принадлежавшаго къ нему парка онъ, кажется, совершилъ на собственные средства, быть можетъ при поддержкѣ друзей. Участіе въ кружкѣ не было связано ни съ какими внѣшними обязательствами; обученіе было бесплатно. Это не мѣшало однако отдѣльнымъ лицамъ дѣлать пожертвованія въ пользу кружка, и такимъ образомъ составилъ, вѣроятно, капиталъ, которымъ впослѣдствіи обладала Академія; этимъ же путемъ создались, надо полагать, бібліотека и различныя

коллекціи, способствовавшая ученой дѣятельности школы уже при жизни Платона и особенно впоследствии.

По устройству школа не отличалась отъ религіознаго общества; во главѣ ея до конца жизни стоялъ разумѣется, самъ ея основатель, а затѣмъ руководитель школы, избираемый, кажется, пожизненно ея членами по указанію почившаго. До насъ дошелъ списокъ схолаховъ Академіи, хотя и не безъ пробѣловъ, но болѣе полный, нежели отъ всѣхъ прочихъ древнихъ школъ философіи; онъ доведенъ до самаго упраздненія общества, закрытаго послѣ девятисотлѣтняго существованія его декретомъ императора Юстиніана въ 529 году по Р. X.

О способѣ преподаванія въ Академіи мы можемъ составить себѣ также лишь общее представленіе. Вначалѣ Платонъ безъ сомнѣнія примѣнялъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сократовскій методъ, заключавшійся въ томъ, чтобы рядомъ вопросовъ запутать ученика въ наивно высказанномъ имъ сперва мнѣніи, наглядно показать ему неосновательность и шаткость принятаго взгляда, принудить его сознаться въ своемъ невѣдѣніи и затѣмъ, если возможно, путемъ вопросовъ привести его самого къ истинѣ. Если по діалогамъ Платона судить объ его устномъ преподаваніи, то кажется, что онъ часто довольствовался одними только отрицательными результатами, которые должны были вызвать въ душѣ ученика стремленіе изслѣдовать; но частоцѣлью вопросовъ была и положительная выработка правильнаго взгляда. Примѣрами перваго рода могутъ служить нѣкоторыя равнія произведенія философа, особенно «Лисій» и еще болѣе «Протагоръ». Какъ на блестящее доказательство положительной силы сократовскаго метода укажемъ на то мѣсто въ «Менонѣ», гдѣ, исходя изъ задачи—найти сторону квадрата, вдвое большаго, нежели данный,—молодой рабъ, направляемый рядомъ вопросовъ, самъ выводитъ пифагорову теорему.

Однако чѣмъ болѣе возрастало число учениковъ, чѣмъ болѣе зрѣлыми и самостоятельными становились слушатели, тѣмъ менѣе могъ Платонъ избѣжать необходимости перейти къ иной формѣ преподаванія—къ связанному изложенію и, какъ мы теперь сказали бы, къ настоящимъ лекціямъ. Что это дѣйствительно случилось, и еще при его жизни, явствуетъ изъ того, что нѣкоторыя изъ его лекцій были изданы Аристотелемъ и другими учениками; и въ писательской дѣятельности самого Платона на это указываетъ характеръ позднѣйшихъ его діалоговъ, какъ «Тимей» и «Законы», являющихся въ большей части непрерывнымъ изложеніемъ, по сравненію съ которымъ діалогъ получаетъ какъ-бы лишь схематическое, минимальное значеніе.

Однако можно не безъ основанія предположить, что эти различные приемы обученія существовали въ Академіи рядомъ другъ съ другомъ и предназначались одинъ больше для элементарнаго, другой—для высшаго преподаванія, потому что членами школы были, очевидно, лица очень различнаго возраста, обладавшіе столь же различнымъ умственнымъ развитіемъ.

Нѣкоторые вступали въ Академію еще очень молодыми, какъ мы знаемъ это, на примѣръ, объ Аристотелѣ. Для такихъ были, вѣроятно, установлены первоначальныя логическія упражненія по сократовскому методу. Здѣсь приходилось опредѣлять понятія, различать и подраздѣлять ихъ, устанавливать отношенія между ними. Сохранившіяся опредѣленія и подраздѣленія, связанныя съ именемъ Платона, указываютъ на подобныя школьныя приемы. Почти каррикатурой діалектическихъ упражненій этого рода кажутся дихотомическія цѣпи, путемъ которыхъ выводятся понятія «софистъ» и «политикъ» въ діалогѣхъ, озаглавленныхъ этими словами. Аѳонскіе комики не преминули, какъ кажется, осмѣять эту царившую въ Академіи страсть къ опредѣленіямъ.

Иначе обстояло дѣло съ зрѣлыми людьми, принадлежавшими къ Академіи втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Среди послѣднихъ предавіе называетъ значительное число лицъ, игравшихъ видную политическую роль въ качествѣ тирановъ или ихъ противниковъ, въ качествѣ законодателей въ своихъ городахъ или дѣятельныхъ вожakovъ партій; и если даже многія изъ этихъ извѣстій вымышлены, то въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію, что общество Платона, особенно пока онъ самъ стоялъ во главѣ его, имѣло ясно выраженную политическую тенденцію и служило умственнымъ центромъ для всѣхъ противниковъ демократіи; оно сохраняло за собой это положеніе именно тѣмъ, что въ самыхъ Аѳинахъ принципиально воздерживалось отъ всякаго вмѣшательства въ практическую политику.

Съ такими друзьями въ Академіи, очевидно, обсуждались не столько научныя, сколько социальнополитическія вопросы, и философскія стремленія общества они раздѣляли большей частью лишь въ такой мѣрѣ, въ какой сами желали пріобрѣсти нѣкоторое образованіе, чтобы его ореоломъ окружить свою политическую дѣятельность.

Въ кратковременной, а потому и болѣе слабой связи съ Академіей мы видимъ далѣе и ученыхъ, занимавшихъ уже самостоятельное и видное положеніе. Къ нимъ мы можемъ въ особенности отнести пиеагорейца Архита и астронома Эвдокса, а также, вѣроятно, и полигистора Гераклида Понтійскаго. Ихъ нельзя собственно назвать учениками Платона, и если въ своихъ ученіяхъ они часто соприкасались съ нимъ, и даже съ своей стороны, какъ достовѣрно извѣстно относительно Эвдокса, вліяли на него, то съ другой стороны они все-таки шли и собственными путями.

Рядомъ съ этимъ Академія имѣла постоянный составъ членовъ, и съ теченіемъ времени само собою вошло въ обычай, что старшіе и болѣе зрѣлые изъ

нихъ частью брали на себя и подъ верховнымъ руководствомъ Платона дѣлили между собой, сообразно склонностямъ и способностямъ каждаго, обученіе все болѣе обильно притекавшей молодежи. Къ такимъ лицамъ, въ самой Академіи изъ учениковъ сдѣлавшимися учителями, принадлежали прежде всего Спевсиппъ, племянникъ философа, и Ксенократъ Халкедонскій, которые послѣ смерти Платона послѣдовательно занимали должность схоларха; сюда же относятся, вѣроятно, Менедемъ изъ Пирры, Филиппъ Опунтскій и особенно Аристотель. Послѣдній принадлежалъ къ Академіи втеченіе двухъ десятилѣтій; здѣсь началъ онъ свою писательскую дѣятельность, форма и содержаніе которой вначалѣ были всецѣло заимствованы у Платона; здѣсь же читалъ онъ еще при жизни Платона курсы не только реторики, но и другихъ научныхъ предметовъ.

Неудивительно, что при такомъ увеличеніи размѣровъ Академіи иногда происходили столкновенія между пріобрѣтавшими самостоятельность учителями ея, и потому вполне вѣроятно, что, по возвращеніи изъ третьяго путешествія въ Сицилію, Платону пришлось улаживать непріятности, возникшія тѣмъ временемъ между его замѣстителями. Подробности, сообщаемыя объ этомъ, такъ же недостовѣрны, какъ и распространенныя въ древности сплетни о раздорахъ между Платономъ и Аристотелемъ. Произведенія послѣдняго лучше всего доказываютъ, что даже постоянныя и коренныя отступленія отъ доктрины учителя не уничтожили благоговѣнія въ душѣ великаго ученика.

Разумѣется, нельзя отрицать, что самъ Платонъ, вѣроятно, всей силой своей личности и авторитетомъ школьнаго главы охранялъ единство и чистоту ученія въ своей Академіи. Для него это было важное, святое дѣло; для него это былъ вопросъ не о взглядахъ, но объ убѣжденіяхъ. Его произведенія показываютъ, что онъ уже въ молодости принадлежалъ къ тѣмъ страстнымъ натурамъ, которыя склонны истолковы-

вать различіе въ мнѣніяхъ какъ различіе этическихъ направленій, и въ противникѣ видѣть нравственнаго врага. И это понятно: онъ весь былъ проникнутъ той мыслью, что правильное пониманіе необходимо сопровождается и правильнымъ хотѣніемъ, и что незнаніе—корень зла. Естественно, что въ старости эта черта въ немъ проявлялась еще болѣе рѣзко, что ему, быть можетъ, трудно было переносить противорѣчія. Какъ умѣлъ онъ въ такихъ случаяхъ сердиться и громить, это мы видимъ въ десятой книгѣ «Законовъ», гдѣ онъ отчитываетъ юнаго атеиста. Это наиболѣе привлекательный и характерный отрывокъ у стараго учителя: здѣсь необыкновенно своеобразно соединяется все еще неугаспій пылъ молодости съ твердостью зрѣлаго мужа и присущимъ старости чувствомъ превосходства. Мы охотно вѣримъ, что тотъ, кто написалъ это, поддерживалъ строгій порядокъ до конца.

Въ какой мѣрѣ Платонъ расчленилъ и организовалъ преподаваніе по предметамъ, — этого мы не знаемъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ излагаетъ соотвѣтствующую педагогическимъ цѣлямъ систему отдѣльныхъ дисциплинъ, и характерно при этомъ значеніе, которое онъ придаетъ математикѣ, какъ подготовительному средству для философіи въ собственномъ смыслѣ. Мы не ошибемся, если предположимъ, что обученіе въ Академіи производилось по сходной программѣ.

При этомъ порядокъ произведеній Платона и отношенія учениковъ къ учителю заставляютъ думать, что изученіе и обученіе въ Академіи постепенно получали все болѣе научный характеръ, что отъ диалектическихъ упражненій и этико-политическихъ разсужденій тамъ перешли къ изслѣдованіямъ въ области естествознанія и исторіи, и что въ кругъ занятій вошли такимъ образомъ въ полномъ объемѣ и отдѣльныя науки. Это, очевидно, сдѣлалось необходимымъ уже въ силу различія склонностей и интересовъ, которыми руководствовались многочисленные члены школы.

Намъ неизвѣстно, какъ далеко провелъ самъ Платонъ систематическое распредѣленіе, разграниченіе и классификацію наукъ. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаюся кое-гдѣ попытки этого рода; но строгое раздѣленіе предметовъ является, быть можетъ, лишь дѣломъ Аристотеля, и Академія заимствовала его позднѣе у самостоятельной школы послѣдняго, у Лицея. Правда, есть свѣдѣнія, будто академики раздѣляли философію на діалектику, физику и этику (мы теперь сказали бы: на логику, метафизику и практическую философію); но это расчлененіе нигдѣ не упоминается у Платона, и къ его собственно ученію оно можетъ быть примѣнено лишь заднимъ числомъ.

Судя по однимъ только произведеніямъ Платона, можно думать, что онъ еще не слишкомъ далеко ушелъ въ методическомъ расчлененіи и распредѣленіи предметовъ преподаванія; и во всякомъ случаѣ Аристотель очень превосходитъ его въ этомъ отношеніи. Научныя произведенія послѣдняго, какъ они сохранились до насъ, построены на строго-систематическомъ подраздѣленіи наукъ, котораго они и держатся безъ отступленій. У Платона же, въ огромномъ большинствѣ его діалоговъ, различные мотивы и проблемы такъ живо переплетаются благодаря его богатому воображенію, что къ основному вопросу присоединяются изслѣдованія изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Нѣкоторые діалоги можно по преобладанію одного или другого интереса отнести къ опредѣленной области, въ другихъ, напротивъ, это почти невозможно, и лишь немногіе имѣютъ ясно выраженный характеръ. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что такая запутанность хода мыслей была свойственна ученію Академіи: эта запутанность въ значительной степени обусловлена художественнымъ характеромъ литературнаго творчества у Платона.